

Цинь Чанцин не знал, что из-за его легкой простуды в Императорском дворце поднялась суматоха. Лань Сынянь распорядился наказать дежуривших служанок и лишить Ци Фэна премии, а также назначил дополнительных слуг, которые отныне будут заботиться исключительно о нем. Это явно указывало на то, что он стал любимцем императора.

Проснувшись после сна, Цинь Чанцин почувствовал, что его простуда почти прошла, но все тело было покрыто потом, липким и неприятным, а ноги и руки слабо дрожали.

Он открыл глаза, все еще слегка ошеломленный и не совсем проснувшийся. Лань Сынянь приложил руку к его лбу, чтобы проверить температуру, и, убедившись, что она нормальная, мягко спросил:

— Проснулся?

Цинь Чанцин поднял взгляд и увидел перед собой лицо Лань Сыняня, поняв, что все еще находится в его объятиях. Не обращая внимания на то, что он весь в поту, он спросил:

— Который час?

— Уже день, — Лань Сынянь посмотрел на часы и вытер пот с его волос. — Ты голоден? Давай сначала переоденемся, а потом поедем.

— Хорошо.

Пара провела в хлопотах почти сутки. Сначала Лань Сынянь без видимой причины потерял сознание, и Цинь Чанцин остался с ним, затем Цинь Чанцин простудился, пробыв всю ночь на ногах, и Лань Сынянь остался с ним во дворце на весь день. Теперь они наконец пришли в себя.

Когда пришло время принимать душ, Лань Сынянь, под предлогом беспокойства, что императрица может упасть, настоял на том, чтобы пойти с ним в ванную.

— Я просто постою рядом, ничего не буду делать, — император сидел на краю роскошной ванны, подперев подбородок рукой, и внимательно смотрел на ванну с голубыми звездами, с самым серьезным выражением лица — он просто изучал качество воды и материал ванны, больше ничего.

Цинь Чанцин: «...»

Когда они наконец вышли из ванной, наступило время, когда Цинь Сюй должен был вернуться из школы.

Мальш ушел утром с выражением глубокой тревоги на лице, и Цинь Чанцин, видя, что у Лань Сыняня сегодня нет дел, предложил:

— Давай сегодня вместе встретим сына из школы, он очень волновался за тебя.

— Хорошо, — Лань Сынянь улыбнулся, зная, что оба, отец и сын, переживали за него всю ночь. Он чувствовал себя одновременно тронутым и гордым. Будучи опорой семьи, он всегда был готов жертвовать собой, но иногда ему хотелось, чтобы они проявляли к нему больше внимания.

Цинь Сюй весь день был в подавленном настроении. Его друзья, узнав, что его отец заболел, выражали ему свою поддержку, складывая осьминогов в знак молитвы за его здоровье — эти

осьминоги, как говорили, были предками клана Лань, и чем больше их сложить, тем больше предки будут защищать своих потомков.

Цинь Сюй был благодарен своим друзьям. Он научился складывать осьминогов и во время перемен сложил множество таких фигурок, планируя повесить их в спальне отцов, чтобы предки клана Лань защищали их.

Когда наступило время уходить из школы, Цинь Сюй, с рюкзаком за спиной, вышел из класса и сразу увидел Лань Сыняня, который с улыбкой ждал его. Он так обрадовался, что чуть не подпрыгнул от счастья, бросился к нему и невольно крикнул:

— Папа!

Цинь Чанцин замер, услышав, как Лань Сынянь совершенно естественно откликнулся:

— Эй! Молодец, малыш!

Он, наклонившись, поднял его на руки.

Цинь Сюй тут же понял, что сказал, и его лицо покраснело. Он растерянно смотрел то на Лань Сыняня, то на Цинь Чанцина.

Цинь Чанцин: «...»

Лань Сынянь был рад, усадил малыша на руку и взял у него большой пакет, с любопытством спросив:

— Что это?

Бедный малыш был так смущен, что не мог ответить, его голова металась между двумя отцами.

— Эй, это же осьминоги Лань? — Лань Сынянь достал одного осьминога из пакета и с интересом разглядывал его.

Тут один из одноклассников Цинь Сюя, набравшись смелости, подошел и объяснил, как сильно Цинь Сюй переживал за «больного» отца и как он складывал осьминогов, чтобы помолиться за его здоровье. Он посмотрел на Лань Сыняня и вдруг громко сказал:

— Цинь Сюй очень беспокоился за тебя! Он даже плакал в классе.

— Я не плакал! — Цинь Сюй, которому и так было неловко, громко возразил.

— Плакал, — одноклассник указал на него, с торжеством сказав, — я видел, как ты украдкой вытирал слезы, глаза у тебя были красные.

Цинь Сюй всегда считал себя взрослым и старался вести себя соответственно. Он думал, что плакать — это не для больших детей, и всего лишь вытер слезы, но кто-то это увидел и теперь его позорит. Он разозлился и с досадой посмотрел на одноклассника, решив, что завтра не будет делиться с ним булочками. Какой негодяй!

Лань Сынянь был тронут. Малыш такой заботливый!

Цинь Чанцин, сдерживая смех, перебрал содержимое пакета. Там были сложенные осьминоги, некоторые аккуратные и красивые, а другие — кривые и небрежные, видимо, их складывали

разные люди. Они были разных цветов и выглядели очень мило.

Цинь Чанцин, улыбаясь, повернулся к однокласснику сына и сказал:

— Спасибо вам. Завтра я попрошу Цинь Сюя принести вам сяолунбао и доуфунао. Вам это нравится?

Глаза мальчика загорелись, и он громко ответил:

— Очень! Спасибо!

— Не за что. Я тоже хочу поблагодарить вас за то, что помогли сложить осьминогов. Видите, папа Цинь Сюя проснулся, потому что вы помогли. Это действительно работает, так что спасибо вам.

Цинь Чанцин улыбнулся и погладил его по голове, не моргнув глазом.

Мальчик был в восторге, чувствуя, что сделал что-то важное для взрослых.

Только Цинь Сюй все еще дулся, считая, что отец его подвел. Он только что поклялся не делиться с этим негодяем булочками, а теперь отец все испортил.

Лань Сынянь, заметив его настроение, шепнул ему что-то на ухо, и лицо малыша прояснилось.

□

Через пару дней после того, как Лань Сынянь пришел в себя, он получил известие, которое привело его в ярость: Ша Мань был убит.

Люди, которых Шэнь Хай отправил следить за Ша Манем, погибли. Это была первая задача, которую он провалил, служа императору, и теперь он не осмеливался сказать ни слова.

К счастью, Лань Сынянь не стал винить других. Он считал, что это его ошибка: он был слишком жадным, хотел использовать мелкую рыбу, чтобы поймать большую, и такой результат был неизбежен.

— Ладно, конфискуйте все имущество Ша Маня и тщательно проверьте, не осталось ли там каких-либо улики.

— Слушаюсь.

Вскоре после убийства Ша Маня Ху Чжань и тот полицейский наконец пришли в себя благодаря усилиям Цинь Чанцина. Он также подтвердил, что красные кристаллы, преобразованные через красную родинку на его запястье, могут хранить «энергию (красный свет)» в киноварном нефрите, а затем поглощать вещества, вызывающие синдром мании у эсперов. Теперь он даже начал подозревать, что браслет из киновари, оставленный ему А Хуа, и красные кристаллы, оставленные чудовищной черной обезьяной, были одним и тем же...

Цинь Чанцин все больше запутывался в истинной личности А Хуа.

Он познакомился с А Хуа, когда ему было десять лет. Они выросли вместе, прошли через юношеские годы, и он никогда не думал, что между ними и Галактической Империей, находящейся за тысячи световых лет, существует столько связей.

Он вздохнул, не зная, радоваться этому или печалиться.

Но вскоре у него не осталось времени размышлять о прошлом. По земному календарю приближались дни рождения его и Цинь Сюя, и Лань Сынянь решил устроить грандиозный праздник, чтобы представить его как императрицу перед всеми.

— Ты же говорил, что пока лучше не показываться на публике? — Цинь Чанцин помнил, что Лань Сынянь всегда настаивал на том, чтобы его личность и информация о нем не раскрывались.

— Это будут только главы восьми кланов и другие аристократы. Мы не будем афишировать это в медиа.

Лань Сынянь взял его руку и поцеловал, улыбаясь.

— Пришло время показать другим, что ты достоин стоять рядом со мной. Моя императрица — не драгоценность, спрятанная в глубине дворца, а звезда, на которую все могут только смотреть.

Цинь Чанцин уже привык к тому, что Лань Сынянь сравнивает его со звездой, но это его собственное мнение, и он настаивает на том, чтобы другие думали так же. Разве это не было немного по-детски?

<http://bllate.org/book/16204/1454628>